

UDK: 325.27(44=83)1945..."
327(44:[47+57])
Izvorni znanstveni rad
Primljeno: 08. 12. 1998.

Сергей Ткачѳв

Педагогический университет Тернополь (Украина)

E-mail: serg@tdpi.edu.te.ua

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕЭМИГРАЦИИ УКРАИНЦЕВ ИЗ ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются проблемы реэмиграции украинцев из Франции. Дан исторический экскурс украинской эмиграции в этой стране, описан характер государственной политики Франции и Польши до второй мировой войны по отношению к миграционным процессам. Ситуация после войны раскрывается на фоне осложнения политической борьбы в Европе, в частности, советско-французских отношений. Автор прослеживает эволюцию в манипуляциях официальных советских властей понятиями «беженцы», «эмигранты», «перемещенные лица».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эмиграция, реэмиграция, украинцы, Франция, Украина, советско-французские отношения

Появились они на Украине после окончания войны, когда по Европе покатались миграционные людские волны. Многих из них уже нет в живых, а их потомков еще до сих пор называют в Украине «французами». Кто они? Эмигранты или реэмигранты? Украинский обыватель путал эти официальные термины сразу после их появления. И в конце концов в быту за ними закрепилось слово – «французы». Кто они? Жертвы успешной советской пропагандистской кампании, или счастливицы судьбы, что смогли реализовать свои возможности по возвращению на родную землю? Кем стали их дети, родившиеся в Украине? Не упрекают ли отцам утраченной возможностью быть гражданами Франции? Как сложились судьбы тех, кто всеми правдами и неправдами в 60-е годы вырвался из СССР обратно во Францию? Как называть уже эту категорию – новореэмигрантами?

Если попробовать найти ответы на эти вопросы в отечественных исторических исследованиях, то это будет делом бесплодным. В тех немногочисленных работах, которые касаются этой проблематики, наблюдается характерное смешивание событий во времени и пространстве. Эта ситуация явля-

ется следствием конъюнктуры тематик, за которые берутся украинские историки в последнее время. Это-то и ведет к их рассмотрению с небрежностью достойной сожаления. Свою роль отыграет и отсутствие специалистов новой генерации, которые бы в своих работах не накладывали на историю территорий постсоветского пространства контуры политической карты канувшего в лету СССР.

Кое-что из дипломатической терминологии. Украинская историография советского периода после фрагментарных исследований массовых миграционных процессов 1918–1921 гг. длительное время не занималась явлением эмиграции или реэмиграции. Считалось, что большинство тех, кто оказался за границами Украины и не хочет строить на ее земле социализм являются врагами родины. Только в период, так называемой, контрпропаганды для доказательства преимуществ развитого и реального социализма Черненко и Андропова использовалась информация о «прогрессивной украинской эмиграции». К ней обычно причислялась *трудовая эмиграция* Канады.

Но даже без идеологических соображений, понятие *трудовая эмиграция* в специальной литературе противопоставляется эмиграции *политической* или *военной*. Между двумя последними есть небольшое различие. Политическая эмиграция это сознательный добровольный выбор или принудительное выселения лиц из-за несовместимости их идеологических и политических убеждений с основами общественного порядка на родине. Военная эмиграция может быть в определенной мере синонимом политической, в частности, по способу реализации своего выбора. Она наступает после поражения в вооруженной борьбе одних политических сил против иных. Победенные, ради избежания репрессий, оставляют родину и составляют ядро военной (политической) эмиграции. К военной эмиграции по совпадению во времени и пространстве иногда зачисляются также лиц принудительно вывезенных с родины на работу в иные страны во время войн. Основанием для этого служит лишь формальное совпадение определения военного времени. Но, если военные эмигранты получают свой статус после гражданской войны, то вывезенные на работы – после военной оккупации своей страны. По истечении войны они получают на территории, на которой оказались не по своей воле, статус *перемещенных лиц* и имеют право репатриироваться на родину или остаться при определенных условиях в стране, где они находятся. В своем положении они больше приближены к статусу беженцев, чем эмигрантов. Время выбора дальнейшей судьбы есть переходной категорией в их гражданском состоянии. Вес измерения жизни человека в это время потенциально уравнивается специальными международными правовыми документами (Постановление, 1946). Согласно которым, человек имеет право самостоятельно сделать свой выбор. Стать ли репатриантом, присоединиться ли к существующей эмиграции с последующей гражданской адаптацией в стране, которая предоставила им приют, это входит в набор демократических свобод.

Так ли это бывает на практике? Попробуем рассмотреть это положение на примере реэмиграции и репатриации украинцев из Франции после второй

мировой войны. Там оказались представители довоенной трудовой эмиграции, равно как и те, что были принудительно вывезены немцами на работы во время войны. Отдельную группу составила «старая» политическая эмиграция времен гражданской войны в Украине и «новая» волна, порожденная II мировой войной.

Начальным, более широким по смыслу процессом обратной миграции есть репатриации, которая включает в себя как составные все иные акции «возвращения на родину». Деление возникает, когда речь идет уже о возвращении конкретных социальных групп, которые оставили родину по различным причинам. В мирное ли, военное ли время, по собственной воле или по принуждению. Эти условия являются основными в стратификации репатриантов. Хотя различие между «добровольной» и «принудительной» миграциями бывает провести сложно. В общих чертах к этому приблизилась в конце 80-х г. Независимая комиссия по международным гуманитарным вопросам. Она признала, что «перемещение беженцев часто происходит внезапно и в стрессовых ситуациях, которые несут угрозу для их жизни. Такое перемещение имеет тенденцию приобретать массовый характер и связано с потерей средств к существованию и в социальном положении. Добровольные мигранты, обычно, имеют в своем распоряжении больше времени для того, чтобы обдумать свой шаг, и могут в конце концов, иногда даже и сразу, улучшить свое социально-экономическое положение. Беженцы же оставляют свои дома, а конечный пункт их дороги может быть целиком неопределенным. Вследствие переезда они оказываются в таком месте, где у них нет знакомых, друзей, а местные жители настроены против их присутствия. Мигранты чаще всего едут туда, где уже поселились их друзья или родственники, где существует спрос на их труд или профессию» (Беженцы, 1989: 36). Главное различие состоит в том, что в миграции беженцев доминируют «подталкивающие», а не «манящие» факторы. Но это современная дефиниция, мы же попробуем рассмотреть процесс интересующий нас с позиций 40-х–50-х годов, когда мир раскололся на два идеологически-противоположных лагеря.

В работе будут использоваться понятия *репатрианты*, *реэмигранты*, *перемещенные лица*. Иногда в цитированных документах они будут выступать как синонимы, хотя различаются по своей сути. Поэтому напомним общее определение этих терминов: *репатриация* – возвращение на родину военнопленных, гражданских пленных, беженцев, *переселенцев*; реэмиграция – возвращение эмигрантов, (переселенцев) на родину (противоположное эмиграции) (Словник, 1951: 555–563).

Особого внимания требует толкование категории *перемещенные лица*. Обратимся к советской дефиниции того времени, чтобы почувствовать напряжение вокруг статуса этих лиц. В специальной литературе понятие *перемещенные лица* толковалось вместе с понятием *беженцы*. Словарная статья издания 1956 года – разделяла их только в зависимости от того, в следствие какой – I или II мировых войн, состоялась миграция этих лиц (ЮС, 1956: 334–335).

Статус беженцев был обусловленный в двухсторонних договорах Советской России и Украины с различными странами в период 1918–1921 гг. То есть в начале XX столетия эта проблема имела уже свой исторический опыт решения. «В период второй мировой войны в следствие насильнического вывоза гитлеровцами миллионов людей в фашистское рабство возникла категория перемещенных лиц» (ЮС, 1956: 57). После войны возникла проблема вывода этих лиц из неопределенного статуса и обретения ими полных гражданских прав. Первым и основным в этом процессе считалось обеспечение возвращения их на родину. Это было обусловлено в специальных соглашениях между союзническими государствами: 11 февраля 1945 г. СССР с США и Великобританией, 13 марта с Бельгией и 29 июня 1945 г. с Францией.

В советском «Дипломатическом словаре» 1961 года, то есть уже по истечении раздела Европы на сферы влияния периода 1947–1949 гг., перемещенным лицам была посвящена отдельная статья. Но в ней уже пропало упоминание, которое было в дефиниции 1956 г., о том что, «вопрос о возвращении беженцев и перемещенных лиц отпадает лишь при условиях, когда на территории, куда должны быть направлены эти лица, продолжает господствовать политический режим, который не обеспечивает свободную и безопасную жизнь граждан» (ДС, 1961: 505). Начался период идеологического противостояния двух систем, в центре которого находился подход к пониманию и умению растолковать основы демократии. Как раз на манипуляции словами и из расчета информационной изоляции советских граждан, и была составлена словарная статья, из которой приводим отрывки: «Пользуясь нищенским положением перемещенных лиц (далее – П.Л.), империалистические государства используют их как дешевую рабочую силу, а также для своих агрессивных планов против социалистических стран... По требованию империалистических государств Генеральная Ассамблея ООН резолюцией от 15 декабря 1946 г. образовала Международную организацию по делам беженцев, которая в 1951 г. заменена Управлением верховного комиссара по делам беженцев. Деятельность этих организаций была фактически направлена на то, чтобы всячески препятствовать возвращению перемещенных лиц на их родину. Управление Верховного комиссара стало центром вербовки и отправки П.Л. в США, Канаду, Австралию и пр. страны, где они используются на самых тяжелых работах. П.Л. в капиталистических государствах не пользуются политическими и гражданскими правами. С целью создания подобия заботы о П.Л. в 1951 г. в Женеве рядом государств (Австралия, Бельгия, Дания, ФРГ, Франция, Англия и пр.) была подписана конвенция о правовом статусе беженцев, к которым согласно условий конвенции относятся и П.Л.» (ДС, 1961: 506). В своей критике объединения в Женевской конвенции категорий перемещенных лиц и беженцев, советские дипломаты и идеологи укрдкой отошли от собственного аналогичного понимания состояния этих лиц в период 40–50-х лет, о чем мы вспоминали выше. Это было посредственным свидетельством и признанием того, что советское государство проиграло борьбу за репатриантов и прикрывало свое поражение этими агрессивными нападками

на противоположную сторону. Как определенное достижение в этом эпизоде общего противостояния вспоминалось, что «СССР создал все условия для возвращения П.Л. на родину. Советские органы предоставляют материальную помощь П.Л., помогают в трудоустройстве, получении квартиры и пр.» (ДС, 1962: 506).

Как видим, перемещенные лица стали объектом идеологической борьбы. Как внешней, так внутренне национальной. В свое время перемещенные лица создают для политической эмиграции свою национальную периферию, где последняя имеет шанс реализовать свои взгляды. В формировании выбора решения своей судьбы у перемещенных лиц отыграет большое значение пропагандистский фактор, которому они поддаются во время своего переходного статуса. В эту идеологическую борьбу вступают как представители политической эмиграции, так и метрополии. Приложились к этим акциям и представители государств, на территории которых находились перемещенные лица.

В 50-х годы проблема беженцев возымела гуманитарное содержание и требовала своего разрешения именно с таких позиций. Советские идеологи сознательно остались на позициях того, что вынужденная миграция может быть только вследствие военных действий, а не по причинам идеологическим, моральным, экологическим. Но и западная демократия, которая в борьбе с коммунизмом утвердила в международной практике понятия *политических беженцев*, вынуждена была с течением времени пересмотреть значение понятия беженцев, в особенности в конце XX столетия.

Беженцы – это социальная категория, которая изменяется с развитием цивилизации. Поэтому важным есть своевременное корректирование правовых дефиниций статуса людей, которые вынуждены были мигрировать. С трудностями стратификации беженцев сталкиваются время от времени даже созданные специально для этого международные организации. Так что же говорить о социальных институциях в разрушенной войной Европе? О каком праве можно было говорить, когда было перечеркнуто основное право человека – право на жизнь. Даже сегодня юристы-международники только подошли к пониманию необходимости создания общего «кодекса отношения к беженцам». Права перемещенных лиц еще до сих пор не получили полного признания в международном праве. Лица, которые являются жертвами войны, находятся под защитой четвертой Женевской конвенции 1949 г., но и конвенция не суть панацеей. «Ее наличие не было препятствием для широкомасштабного варварства в государствах, которые их подписали» (Беженцы, 1989: 186).

После беглого рассмотрения теоретических основ, возвратимся к нашей непосредственной теме.

Постановление Совета Министров СССР о репатриации советских граждан из Франции была принято 14 июня 1946 г., как реализация франко-советского соглашения о репатриации от 29 июня 1945 г. (СФО, 1983: 355–358). Определенную сложность в формально-правовом отношении этой акции при-

давало наличие среди лиц, причисленным к репатриантам, многочисленной группы украинцев, которые не являлись гражданами Советского Союза. Они выехали на заработки во Францию как эмигранты из довоенной Польши. Это давало основания французской стороне, которая тормозила репатриацию по причинам, которые будут рассмотрены ниже, выдвигать в определении их статуса аргумент *безгражданства*. Этим термином определялось юридическое состояние лица, которое утратило гражданство в одном государстве и не получила нового гражданства в другом.

Ситуация в самой Франции была крайне нестабильной, поэтому не было и однозначности, и единства взглядов на реэмиграцию из страны иностранцев. Вследствие войны и фашистской оккупации индекс промышленного производства осенью 1944 года составлял лишь 20% уровня 1938 г.; объем сельскохозяйственной продукции был в два раза меньше довоенного. Вышли из строя две трети транспортных средств. Внешняя торговля фактически приостановилась. В трудном состоянии находилась финансовая система страны.

На 10 марта 1946 г. в Франции было 40 млн. 517923 жителя, в том числе 1 млн. 670729 иностранцев.

После катастрофы, которую испытала Франция в войне, ее международный авторитет удержался лишь на традиционном уважении. Эта страна выпала на годы войны из мирового клуба ведущих государств. Только благодаря движению Сопротивления, а также попыткам французских руководителей в эмиграции найти свое место среди союзников, последние стали считаться с Францией под занавес войны. Приложил определенные усилия относительно этого и Советский Союз. СССР хотел иметь союзника на крайнем западе континента, тем более в эйфории победы американцы, а, в особенности, англичане, откровенно выражали свое пренебрежение французам. После настояний Советского Союза 23 октября 1944 г. правительства Великобритании и США признали временное правительство Франции под руководством генерала де Голя. В тогдашней стратегической политической ситуации в мире Франция и СССР были необходимы друг другу. И они пришли к согласию путем тактических компромиссов.

Во время визита генерала де Голя в Москву 2 декабря 1944 г., он заявил советским руководителям, что причиной несчастий, которые испытала Франция, было то, что она не имела договора с Россией. Де Голь сделал ударение, что Франция и Советский Союз являются соседями Германии, от которой постоянно исходит угроза. Французский руководитель предложил СССР заключить договор о союзе и взаимопомощи. Этот документ был подписан 10 декабря 1944 г. в Кремле (СФО, 1962: 406). Еще во время подготовки данного соглашения в переговорах обнаружилось напряжение между дипломатами. Камнем преткновения стала Польша. Французы признавали «лондонское» правительство этой страны, а Москва в то время реализовывала планы по созданию нового «люблинского» правительства. В конце концов французы от-

ступились от эмиграционного правительства ради собственных интересов – они согласились обменяться представителями с новыми властями Польши.

Как отмечал де Голь, Франция была и оставалась природной соседкой Германии. Поэтому, решая послевоенную судьбу побежденной страны, необходимо было учитывать и позицию Франции. На Крымской конференции были приняты решения, которые предоставляли Франции возможность брать участие в послевоенном урегулировании ситуации в Европе. Представитель ее военных сил присутствовал при подписании Акта о капитуляции, но уже на Потсдамскую конференцию французов не пригласили. Французское руководство прислало по этому поводу официальную ноту, где высказало сожаление по поводу того, что текст решения о дальнейшем развитии событий в Германии и ее границы, не был согласован с ними.

Бурное развитие внутривластных событий во Франции привело к отставке де Голя в январе 1946 г. Новое правительство возглавил социалист Гуэн, коммунисты получили шесть министерских портфелей. В этом же году принимается новая конституция страны. Но главным фактором возрождения страны оставалось развитие экономики. Если благодаря СССР Франция возвратилась в мировой политический клуб, то единственной страной, которая бы выступила донором ее экономики, были США. Первый договор о ленд-лизе был подписанный между ними 28 февраля 1945 г. Он отыграл решающую роль в ориентации внешней торговли Франции за океан. После него в страну поступили миллионы американских долларов займа на послевоенное восстановление. Фактическая денежная помощь не выдерживала конкуренции с советским экспортом идеологии. Весы окончательно перевесили в сторону США после Вашингтонского соглашения от 28 мая 1946 г., по которому Франция получила кредит в 650 млн. долларов. Тогда же президент Трумэн открыто поставил выполнения настоящего соглашения в зависимость от участия во французском правительстве коммунистов. Если осенью 1945 г. генерал де Голь, хотя бы декларативно старался удержать равновесие между Востоком и Западом (СССР и США), заявляя об особом статусе страны как соединительного звена, но отнюдь не пешки, то на Парижской мирной конференции Франция уже поддерживала почти все западные позиции. Конференция длилась с 29 июля до 15 октября 1946 года. Перед ее началом США провели испытательные взрывы атомных бомб возле атолла Бикини. Эта демонстрация силы повлияла на ход переговоров и затенила достижения и величие советской военной машины.

Посол СССР в Франции А. Богомолов вручил французам 19 мая 1947 г. меморандум о намерении советских властей репатриировать в конце июня 1947 г. первую партию украинцев и белорусов в количества 3 тысяч лиц (мужчин, женщин и детей).

На это французское Министерство иностранных дел ответило 29 мая Посольству СССР в Париже нотой протеста относительно методов предыдущей деятельности советской репатриационной миссии. Кроме замечаний к оформ-

лению документов, в частности так называемого «коллективного паспорта», французские власти напомнили советским дипломатам о необходимости соблюдения некоторых международных норм проведения массовых репатриаций. В частности МИД Франции обратило внимание на то, что «во время последней репатриации железной дорогой господину префекту департамента Нижняя Рона было предложено прислать в лагерь в Марселе, где были собраны советские граждане, инспекторов полиции для осуществления контроля и проверки того, действительно ли среди этих граждан находятся лица, которые по сообщению его коллег с департаментов Мерт и Мозель *не хотели добровольно выехать на родину* (выделено – С.Т.). Но эти полицейские получили энергичный отказ со стороны советских властей войти в лагерь. Они были вынужденные возвратиться, не выполнив данного им поручение.

Вполне очевидно, что подобное положение вещей не может терпеться французскими властями. При организации любой репатриации французские полицейские органы должны предварительно иметь возможность по первому их требованию проводить любую проверку, которую они посчитают за нужную сделать в сборных лагерях, организованных советской репатриационной миссией» (ВЖ, 1947: 25 мая)

А сейчас о, так называемом, «коллективном паспорте». Французское МИД напомнило, что согласно их законодательству каждый репатриант должен иметь паспорт и визу, которая выдается префектурой по месту его проживания. «Эти паспорта могут выдаваться в коллективном порядке. Однако, репатриация в минувшем году показала, что массовая отправка с коллективным паспортом является существенным неудобством. Да, советские власти предоставили в некоторых префектурах списки на русском языке. Кроме этого, в некоторых списках были указанные только фамилии и имена репатриантов без указания не только даты и места рождения, но и их адреса. В последствие этого некоторых из них не были найдены в департаменте, указанном как место их пребывания» (АМИДУ).

Французские власти старались установить контроль над действиями советских репатриационных миссий. Одним из ограничений был отказ от коллективного паспорта. О том, как традиционное доминирование коллективного (коммунистического) над индивидуальным (мелкобуржуазным) в действиях советских органов приводило к личным трагедиям, свидетельствует случай французского гражданина Жака Гиде, (Он родился в г. Безан в 1920 года, департамент Сен-де-Уайзе).

Жак появился на Тернопольщине в феврале 1946 г. Приехал он с годовалым ребенком и женой-украинкой. Валентина Мелешко, которую немцы забрали на работу во Францию, вышла за него замуж далеко от своих родных Копычинец. Что произошло после ее возвращения в родительском доме, останется семейной тайной. А Жак Гиде пришел 20 июля 1947 года в отдел репатриации в Черткове. С женой они развелись и француз оказался среди чужих людей без паспорта. Единственным документом, который он имел, бы-

ло брачное свидетельство. Временно его устроили на работу на «обозный» завод в Черткове, а что делать дальше с ним местные власти не знали. Человеку без паспорта, тем более иностранцу, в 1947 г. в СССР была прямая дорога в Сибирь. А въехал в страну Жан по коллективному паспорту, хотя согласно правил французского МИД, там должны были быть только советские граждане (ГАТО).

Советская сторона считала, что французские власти ведут против нее «вражеские действия». Именно так это квалифицировалось в ноте, которую вручил 9 декабря 1947 г. заместитель министра иностранных дел СССР Ф. Т. Гусев временному поверенному в делах Франции в СССР П. Шарпантье.

Это был ответ на письмо от 6 декабря, в котором французское правительство сообщало об аннулировании франко-советского соглашения о репатриации от 29 июня 1945 г. и прекращение с 1 декабря 1947 г. деятельности советской миссии по репатриации. Двух членов миссии Филатова и Сорокина было обвинено в подрывной работе против Франции (ноты от 27 и 28 ноября).

Заместитель министра Ф. Гусев в достаточно таки резкой форме заявлял, что обвинение двух членов советской миссии в подрывной работе советское правительство «рассматривает как мерзостную клевету, лишённую любого основания и выдуманную французским правительством для того, чтобы оправдать свой произвол относительно советских граждан в Борегаре, относительно членов Союза советских граждан во Франции, относительно акта одностороннего аннулирования франко-советского соглашения о репатриации, а также для того, чтобы ввести в обман общественную мысль Франции относительно положения в стране» (ВЖ, 1947: 12 декабря).

А положение в политической жизни Франции напоминало растревоженный океан, который бросал на берег волны активности коммунистической партии, забастовки и смены правительств. Приложились к этому и сотрудники советских спецслужб Филатов и Сорокин, которые утратили бдительность и слишком откровенно помогали французским товарищам в свержении буржуазного порядка в стране первого революционного марша.

Для того, чтобы сохранить оставшихся агентов «советское правительство дало распоряжения о выезде из Франции всем членам советской миссии по репатриации и требует, чтобы члены французской миссии по репатриации в СССР немедленно оставили территорию СССР» (ВЖ, 1947: 10 декабря).

Советская сторона применила метод давления и шантажа. Французы в начале декабря обратились с просьбой выдать визы для 18 членов делегации, которая намеревалась вести в Москве переговоры о заключения договора о взаимных поставках товаров. В визах было отказано и этот отказ был связан с «вражеской деятельностью» Франции относительно Советского Союза.

Городок Борегар вспоминался не в одной ноте МИД СССР. Здесь, неподалеку от Парижа расположился лагерь советских репатриантов. Он был организованный в 1944 г. для освобожденных из немецкого плена военнослужащих Советской Армии. По договоренности между двумя правительствами,

во главе лагеря стояла советская администрация. Режим здесь был установлен соответственно заключенного советско-французского соглашения о взаимной репатриации. «Режим этого лагеря ничем не отличался от режима в лагерях, которые, так же соответственно упомянутому соглашению, были организованные в Советском Союзе для французский репатриантов» (ВЖ, 1947: 23 ноября)

События, которые произошли вокруг лагеря 14 ноября 1947 г., как снежная лавина, повлекли обострение франко-советских отношений.

Под руководством генерального директора управления безопасности Бурсико три батальона французской полиции общей численностью 2 тысяч человек, вооруженных автоматами, при поддержке четырех танков окружили лагерь. В то время там находилось 58 граждан, которые готовились к репатриации, и почти 100 работников советской миссии. Обратим внимание, что на одного репатрианта приходилось два «агитатора» или, если угодно, «куратора».

Официальным поводом для этой акции французский министр внутренних дел Депре назвал проведение обыска. К полиции обратился французский гражданин с заявлением на свою жену Субботину-Спечинскую, которая находилась в лагере с тремя детьми и ждала выезда в СССР. Отец просил возвратить детей, на выезд которых он не давал согласия.

Советские спецслужбы через представителей французских коммунистов в парламенте решили использовать эту акцию в обострении как внутренней, так и международной ситуации. Депутат Национального собрания коммунист Флоримон Бонт внес интерпелляцию относительно налета полиции. Он назвал официальные аргументы «плачевным поводом для отвратительной антисоветской провокации», что имело целью «отвлечь внимание французов от вооруженных фашистских групп, которые организуют у нас заговоры при соучастии правительства, и от губительной политики правительства» (ВЖ, 1947: 23 ноября).

Французское МИД ответило соответствующей нотой 17 ноября 1947 г., где ссылалось на «исключительный режим, который вроде бы существовал в этом лагере».

Не промедлили с ответом в МИД СССР. Ноты о репрессиях со стороны французского правительства относительно граждан СССР во Франции и преследование советских репатриантов были переданы временным поверенным в делах СССР во Франции А.Г. Абрамовым заместителю министра иностранных дел Франции А. Мари.

Среди прочего в них отмечалось, что 25 ноября в различных городах Франции были арестованы члены Союза советских граждан во Франции. Было задержано руководство этого Союза: председатель Центрального правления (ЦП) Н.С. Качва, заместитель А.К. Палеолог и 22 члена президиума ЦП. Был запрещен выпуск журнала, который издавался этой организацией.

Аресты, как отмечалось в ноте, «сопровождались насилием и издевательствами над арестованными со стороны агентов полиции». Все они были «скрытно» вывезены французами в советскую зону оккупации Германии. В начале 1948 года французское правительство проводит аресты советских граждан и депортирует их из страны.

Газеты правого направления напечатали материалы о том, что Советский Союз организует забастовочное движение во Франции. Широкую огласку получила «грязная книжонка предателя Кравченка», как ее называли официальные советские представители. Обвинялись французы не только за действия на своей территории, а также и в зонах своей оккупации. В Австрии они не оказывали содействие, а «даже вопреки франко-советскому соглашению о взаимной репатриации препятствовали возвращению советских граждан на родину». Французские власти если не поддерживали, то и не запрещали деятельность «Инсбрукского областного комитета украинцев» и «Объединение российских эмигрантов», что вызывало раздражение советской стороны (ВЖ, 1948: 25 мая).

В 1948 году резко ухудшились дипломатические отношения Франции с СССР. В Москве французы ликвидировали свой отдел информации при посольстве, сократили количество корреспондентов в СССР. Синхронно напряженными становятся отношения с Чехословакией, Польшей. Франция осудила события в Праге. В феврале 1948 г. отказалась от переговоров по подписанию договора о союзе с Польшей, а в начале 1949 г. не возобновила договор о репатриации польских граждан из Франции. В ноябре 1948 г. была ликвидирована организация румынских граждан, прекращается выпуск ее периодических изданий, применяются репрессии к аналогичным советским структурам во Франции (МО, 1962: 415).

Проблема решения судьбы перемещенных лиц усложнилась. В западных зонах в 1947 г. их общее количество (в том числе и зачисленных к ним военных преступников и предателей), составляло приблизительно 750 тысяч из 10 млн., которые насчитывались сразу после капитуляции Германии. Среди этих 750 тысяч более 200 тысяч были советскими гражданами (Войтенко, 1947). К этому числу зачислялись и 40 тысяч украинцев, хотя многие из них советского паспорта никогда не имели. В такой напряженной политической ситуации начался процесс реэмиграции украинцев.

Украинская эмиграция во Франции

Причины эмиграции во Францию. Рассматривая процесс реэмиграции, следует вспомнить причины и ход эмиграции украинцев в эту страну. Они были ручейком того человеческого потока, который хлынул в межвоенный период из Польши на поиски лучшей жизни. Поэтому понятным является интерес польских историков к освещению этой проблемы. Украинцы по началу бы-

ли составной частью польской эмиграции, поэтому обратимся к польским исследованиям как источнику определенной, интересующей нас, информации.

Польская историография еще в 60-е годы достаточно интенсивно исследовала эту проблематику. Весомыми работами являются монографии Владислава Маркевича (Markiewicz, 1960) и Халины Яновской (Janowska, 1964), статья Леона Турайчика (Turajczyk, 1967).

Х. Яновская во вступлении к своей работе останавливается на процессе формирования терминов, связанных с миграцией людей с территорий государств, которые им выдали гражданский паспорт.

Эмиграция конца XIX – начала XX столетий имела два типа: поселенческая и трудовая. К первому типу относится эмиграция перед I мировой войной на постоянное проживание в США, Бразилию. По истечении войны эмиграция приобретает формы сезонного труда за кордоном – начинается период трудовой эмиграции. Подавляющее большинство тех, кто решился на выезд были уверены, что они возвратятся домой, как только заработают определенную сумму денег. Например, продолжали ехать в ту же Бразилию, только уже по контракту на период сбора урожая кофе.

Эмиграция во Францию с территории Польши квалифицируется Х. Яновской как эмиграция континентальная, постоянная и преимущественно трудовой, наёмная. Такой характер доминировал, не смотря на небольшой процент тех, кто принял решение на постоянное поселение в Франции.

В межвоенный период среди так называемых эмиграционных стран, поставщиков рабочей силы на мировой рынок, Польша занимала первое место. Без учета нелегальной миграции, которую не охватывала официальная статистика, от 1919 до 1939 г. страну оставило 2044 тис. человек, а возвратилось 1031 тысяча (Janowska, 1964: 8).

Из континентальных стран Франция оставалась более привлекательной для рабочих-эмигрантов из Польши, чем, например, Германия, куда выезжали на заработки в начале столетия. Тогда польские крестьяне нанимались на работу к немецким юнкерам и богатым бауэрам в Восточной Пруссии, Западном Поморье, в Бранденбурге, Нижней Силезии, горняки – в шахтерские регионы. После социальных потрясений 20–30-х лет в Германии началось переселение польских эмигрантов из Вестфалии во французские департаменты. Но это не облегчило их положения, ибо как раз тогда разразился мировой экономический кризис.

Переломным годом периода трудовой эмиграции считается 1930, когда начался мировой экономический кризис. Поэтому процесс эмиграции из межвоенной Польши делится на два этапа: 1919–1930 и 1930–1939 гг.

После восстановления государственности Польша одолевала трудности построения собственной экономики. В то время (1919–1930) страну оставило 1 млн. 588 тыс. эмигрантов.

Например, в первой половине 1930 г. из Польши в европейские страны выехало 124092 чел., с них 44808 во Францию. К тому времени выезд на ра-

боту осуществлялся организовано через эмиграционный синдикат и по вызовам родственников, обязательно заверенных у префектов. Начиная с осени 1930 г., центральные органы у Варшавы распределяли вакантные рабочие места на воеводства, где было более всего безработных.

В апреле 1932 г. эмиграционный синдикат прекратил регистрацию желающих выехать на работу во Францию в связи с безработицей, которая охватила эту страну. Но все же таки в том году из Польши во Францию и Бельгию выехало 1663 чел. (*Buletyn*, 25. 02. 1933).

Безработица, связанная с кризисом, зацепила прежде всего работников-эмигрантов. Французские хозяева освобождали их, незащищенных профсоюзами, в первую очередь. Эмигранты, которые утратили работу, в отчаянии цеплялись за любую возможность получить ее снова. В таком состоянии они становились легкой добычей вербовщиков рабочей силы для стран Латинской Америки. В 1935 г. польский эмиграционный синдикат предупреждал относительно агенции «Expansion Coloniale», которая действовала в Франции. Её агенты вербовали работников на работу в колонию Итузу (Бразилия) и при этом распространяли неправдивую информацию о том, что там обнаружили и добывают нефть. Слово «нефть» воспринималось доведенными до отчаяния людьми как волшебная жар-птица, которая была способна моментально решить их жизненные проблемы. Поэтому на крючок вербовщиков попало много легковых. На самом же деле, эта колония находилась в непролазных джунглях Амазонки, климат которой был губительным для европейцев, а людей набирали валить лес.

В годы кризиса (1930–1935) количество эмигрантов из Польши спало до 229 тысяч. В последние довоенные годы эмиграция снова стала возрастать, но уже не достигла предкризисного уровня. Количество тех, кто выехал во Францию составляло почти третью часть от всех эмигрантов 1919–1930 гг. (492,5 тис.).

В года кризиса движение реэмиграции в Польше превышало эмиграцию на 78,8 тыс. человек. Реэмигранты перед возвращением домой должны были взять справки с последнего места работы, заверенные во французских органах власти. Это было необходимо для оформления на родине документов на получение помощи по безработице в министерстве труда и социальной опеки (*Buletyn*, 09. 01. 1932). На получение таких справок могли рассчитывать только работники, которые приехали по организованному набором, и отнюдь не те, что оказались во Франции нелегально или же при посредничестве различного рода частных фирм. Именно эта категория людей решалась не на реэмиграцию, а на выезд за океан в тропические леса Латинской Америки и островов Карибского моря.

Кроме экономических причин эмиграции/иммиграции прибавлялся демографический фактор. Прирост населения в Польше был одним из самых больших в Европе и составлял 15% в год. За двадцать лет население страны увеличилось на 7,7 млн. человек. Излишек сельских жителей не мог быть по-

глощен городами, где даже после экономического оживления 1938 г. насчитывалось 450 тыс. безработных. В такой ситуации правительства Польши, которые сменяли друг друга по политическими мотивами, были единодушны в протезировании эмиграции из страны. А что касается представителей национальных меньшинств, которые оказались в новых границах государства, то это явление даже поощрялось государством как один с способов решения сложных межэтнических проблем.

Почему именно во Франции возникла потребность на иммигрантов? После завершения первой мировой войны в Европе страна была изможденная как в плане материальных, так и человеческих ресурсов.

Соразмерно своей площади и своим недрам Франция была одной из наименее заселенных стран Европы. Здесь наблюдался демографический процесс обратный польскому. После первой мировой войны кроме значительных военных потерь, давала себя знать и природная смертность. Она была в пропорции к рождаемости, например, в 1936–1937 гг. – 3, а в 1938 г. – 10 на 10 тыс. чел. Если в начале XIX столетия Франция по количеству населения имела одну шестую часть населения Европы, то в 1938 г. эта часть составила одну двенадцатую. Резко изменилось деление на возрастные группы населения: на одну тысячу французов было 304 человека до 20 лет и 140 человек старше 60 лет. (Janowska, 1964: 56) Существенной проблемой стали бездетные браки. В особенности это наблюдалось в сельских районах и было связано со структурой и формой ведения сельского хозяйства. Если в Германии преобладали большие фермерские хозяйства, то во Франции земля была поделена. Чтобы избежать ее дальнейшего дробления между своими потомками, крестьяне отказывались от возможности иметь детей.

Дело иммиграции стало компонентом государственной политики страны. В 1920 г. во Франции работало 34,4% всех европейских иммигрантов, а в 1930 г. – 45,9%. В 1931 г. на одну тысячу французов приходилось 66 иностранцев (Markiewicz, 1960: 70), то есть их было почти 3 млн. (Жорж, 1951: 90)

В отношении к явлению «эмиграция-иммиграция» совпали интересы двух европейских государств, что было новой страницей в истории континентальных миграций.

Первое польско-французское условие об эмиграции была подписано 3 сентября 1919 года. Польша стала единственной страной, которая не только проводила массовую организованную эмиграцию, но и позволила на своей территории непосредственную деятельность эмиграционной миссии. Например, Чехословакия и Югославия, которые также имели договор с Францией, проводили отбор кандидатов собственными правительственными структурами, а французская сторона отвечала только за транспортирование эмигрантов.

Сборным пунктом для эмигрантов был определен город Мысловице в шахтерской Силезии. Позднее, кроме шахтеров решились ехать и сельскохозяйственные работники, которые в 1930–1931 гг. превратились в единственную категорию трудовой эмиграции, на которую еще оставался спрос.

Транспортный центр в июне 1931 г. переместился в Познань, откуда каждый четверг отходил во Францию и Бельгию специальный поезд фирмы «Пол-экспресс» (Buletyn, 2. 05. 1931).

Эмигранты отбирались из физически здоровых людей преимущественно 20–50 летнего возраста. Исключение составляли женщины. Под запрет эмиграции попадали одинокие лица до 30 лет. Таким образом должны были действовать предупредительные меры торговли женщинами. С 1925 года при эмиграционных службах работали представители комитета борьбы с торговлей женщинами и детьми, которые сопровождали каждый транспорт, в котором были женщины. Комитет неоднократно выпускал специальные обращения, где детально пояснялось как нужно себя вести женщинам в дороге и на вокзалах, чтобы не пасть жертвой мошенников и сутенеров. Со временем, польские власти давали разрешение одиноким женщинам на выезд только в те департаменты Франции, где были созданные комитеты опеки над женщинами-эмигрантками. В 1931 году такие комитеты работали в 17 департаментах (Buletyn, 21. 03. 1931). Это дало возможность до 1935 года немного уменьшить преступную деятельность торговцев женщинами и детьми в Польше.

Польские исследователи лишь попутно упоминают об украинцах-эмигрантах, что, в конце концов, и понятно. Хотя какого-либо равнодушия или предубежденности с их стороны в этом вопросе нет. Х. Яновская пишет: «Остается, однако, открытой проблема почему украинское население, которое было преимущественно сельским, и, которое брало значительное участие в эмиграции в Канаду и США, – не эмигрировало во Францию?» (Janowska, 1964: 102–103). Национальный состав эмигрантов из Польши, по ее анализу, был достаточно таки однородным – преобладали поляки. Украинцы и евреи составляли чуть ли не 2% от всех эмигрантов из Польши. Из восточных воеводств страны, где и жили украинцы, она выделяет Львовское, что «предоставило» 17,5%, станиславское – 1,7%, вольнское – 0,4% от всего количества эмигрантов. Почему-то исследовательница не вспоминает Тернопольское воеводство. Хотя, например, заказ на 700 рабочих для сельского хозяйства Франции в феврале 1931 г. был распределен на представительства эмиграционного синдиката в Перемышле, Дрогобыче, Станиславе и Тернополе (Buletyn, 21. 03. 1931). Не правдоподобным кажется то, что выехать на заработки из этих местностей решались польские осадники, пожалуй, большинство из эмигрантов составили малоземельные украинские крестьяне.

Несколько другие статистические данные приводит В. Маркевич. Не ставим целью выяснять причины различия в показателях польских историков, лишь вспомним, что В. Маркевич оперирует данными и из Тернопольского воеводства. Почему их не заметила Х. Яновская, которая не раз ссылается в своей работе на книгу В. Маркевича, неизвестно. По градации этого автора, Львовское воеводство занимало первое место в стране, а тернопольское – восьмое, и только уже потом шли Станиславское и Вольнское.

Два крыла украинской эмиграции в Франции. С открытием советского дипломатического представительства в Франции его работники устано-

вили связь с Украинским Национальным Фронтом. Желание сотрудничать было взаимным. Фронт был просоветской, прокоммунистической организацией украинских эмигрантов с легким западноевропейским национально-синдикалистским акцентом. В его уставе было четко определено, что это «объединение украинцев и украинок, которые признают Украинскую СРС, как суверенного и равноправного члена СССР и без предостережений отстаивают права работающих масс украинского народа. УНФ проводит свою деятельность среди украинцев на пространстве всей территории Франции» (АМИДУ). Национальный акцент присутствовал лишь потому, что подавляющее большинство членов Фронта были родом из западно-украинских земель, а напоминание о правах трудящихся масс, поясняется тем, что это была эмиграция трудовая

Уже в конце 1944 года руководство Фронта присылает в консульство СССР информацию об украинской эмиграции. Характер этого документа по своей структуре напоминает ответы на определенные вопросы. Поэтому, можно предположить, что инициаторами возникновения этих документов были советские дипломаты. Ведомости об украинской эмиграции передали из Москвы в киевский наркомат иностранных дел, где готовилась к выезду в Францию «украинская» часть советской репатриационной миссии.

Среди первых репатриантов, которые возвратились в начале 1946 года в Украину, был бывший иммигрант Иосиф Купранец, родом из Тернопольщины. Он составил аналитическую записку об истории и состоянии украинской эмиграции во Франции и своеобразные «Пожелания». Написанные для секретариата Львовского областного совета депутатов трудящихся, они были отосланы Наркому иностранных дел УССР Д. Мануильскому. Позднее эти документы легли в основу подготовки процесса реэмиграции. Они были для советских функционеров своего рода начальным кратким информационным материалом. Разумеется, что меньше всего организаторы реэмиграции собирались прислушиваться к пожеланиям, хотя позже поворот событий заставил их кое-что учесть. Хотя бы переименовать и переосмыслить сам характер возвращения украинцев в УССР, которое не подпадало под условия подписанного договора о репатриации советских граждан, каковыми украинцы из Галиции, Волыни и Буковины никогда не были. Для поиска выхода из усложнившейся формальной проблемы имела определенную ценность характеристика эмиграции.

Во время второй мировой войны во Франции насчитывалось свыше 500 тысяч выходцев из Польши, плюс – военные и гражданские беженцы 1939–1940 годов. Из этого количества на украинцев приходилась шестая часть. Сами украинцы во Франции оперировали приблизительными расчетами, по которым в стране находилось свыше 80 тысяч выходцев из Западной Украины (вместе с семьями).

Руководители украинской эмиграции считали, что эта цифра занижена. Ядро эмиграции составляли безземельные и малоземельные крестьяне, которых из Польши выгнала нужда.

До 1939 года главным потребителем трудовой иммиграции была промышленность: шахты, металлургия, дороги, строительство. Компактные поселения образовались в промышленных районах – Лотарингии и Эльзасе (металлургические заводы, рудники, шахты, соли), северной Франции, департаментах Норд и Па-де-Кале (уголь), в угольных районах центральной и юго-восточной Франции – департаменты Пюи-де-Дом, Тарн, Авейрон, Люар, Гард. А так же в предместьях Парижа – Аржантой, Сен-Дени, Стен.

Приблизительно 50% украинской эмиграции работало в промышленности, а другие 50% – в полеводстве и лесах. Это положение отвечало хозяйственной структуре Франции и ее иммиграционной политике до 1930 и после 1930 г.

Относительно общественно-политической активности западно-украинской эмиграции, брались во внимание, в первую очередь, промышленные рабочие. Большинство из них «ориентировались классово», – были членами профсоюзов (СЖТ), компартии (КПФ), польских левых демократических объединений. Необходимо отметить участие западно-украинской эмиграции в интербригадах в Испании и в борьбе против немецкой оккупации во Франции. В интернациональных бригадах участвовало больше 1000 добровольцев, – 70% из них погибли. Немало украинцев было участниками и руководителями партизанского движения. Они выдвинулись как офицеры, капитаны, лейтенанты французского Сопротивления. Некоторых из них немцы замучили и расстреляли (Мазур, Гах, Левочко, Терешко, Сорока).

Именно участники антиоккупационной борьбы против немцев, после освобождения Франции, создали – Украинский Национальный Фронт, подобно Французскому Национальному Фронту (массовой организации против немецкой оккупации, руководимой КПФ). В УНФ входили также белорусы, ибо их было мало (не больше 10 тысяч), чтобы создать отдельную организацию. После принятия решения Верховного Совета СССР от 30. VI. 1945 года о предоставлении советского гражданства украинцам и белорусам из западных областей, которые находятся в Франции, УНФ изменяет устав и принимает название Союз советских граждан Франции, и объединяет в своих рядах около 5000 членов. Председателем организации избирается Лозовой Василий, в правлении работают Шевчук, Кузив, Вархоляк.

Подавляющее большинство эмиграции хотело вернуться на родину и ожидало транспортных возможностей. Нельзя сказать, чтобы это желание возникло только после победы над Германией и на волне популярности СССР за его вклад в разгром немцев. Еще в 1939 году как только западная Украина и Белоруссия были присоединены к СССР, уже тогда Советское консульство и посольство в Париже были окружены длинными очередями людей, а почтовые ящики советских учреждений были переполнены прошениями о возвращении на родину. Напомним, что большинство эмигрантов тогда были безработными.

То же происходило и в Виши, когда там образовалось советское консульство. Вплоть до 22 июня 1941 года.

В 1945 году в Париже, как только в консульстве СССР начался прием, оно было все время переполнено эмигрантами из западной Украины и западной Белоруссии, равно как и белоэмигрантами, которые создали «Союз Советских патриотов». Все рвались на родину.

Советское консульство в Париже было перегружено работой. Термин до 1 января 1946 года, который был предназначен для оформления советского гражданства украинцев и белорусов из западных областей оказался сроком, который невозможно было выполнить физически. Эту работу необходимо было продлить. Репатриация потребовала более длительного времени. Первыми вернулись домой не более 150 человек, которые по разрешению Военной советской миссии в Париже, были включены в списки на транспортирование бывших пленных и вывезенных немцами на работу. Это были участники интербригад, которые не успели выехать в СССР в 1941 году, и несколько семей безработных.

Для того чтобы ускорить процесс возвращения на родину, представители эмиграции постоянно предлагали свою помощь работникам посольства в оформлении документов. Однако, их участие оттягивалось под разными поводами. Действительная же причина отказа была в системе фильтрации репатриантов, которой занимались органы НКВД, и к чему, естественно, не могли допустить эмигрантов, даже с партийными билетами Компартии Франции. Было много сомневающихся и среди самих эмигрантов. Поэтому их руководство предлагало советским представителям наладить регулярную связь эмиграции с Родиной через газеты, литературу и обмен делегациями. Они хотели видеть в составе такой делегации во Францию представителей Западной Украины, что имело бы, по их мнению, «особое политическое значение». В пример ставилась деятельность польского правительства, которое «выслало этим летом делегацию из 10 человек. Она была на съезде польской эмиграции в Париже, посетила отдельные рабочие городки» (АМИДУ).

Настороженно относились эмигранты и к советским дипломатам, которые не владели украинским языком, а подчас и пренебрежительно относились к украинцам, не владевшим русским языком. Руководство УНФ просило в консульстве и посольстве в Париже, как и в других городах Франции, организовать присутствие постоянного сотрудника-украинца, «который мог бы принимать посетителей-украинцев».

Культурный уровень трудовой украинской эмиграции был невысокий. Из них 90% были малограмотные, а остальные вовсе неграмотные люди. Еще худшим было положение детей, которые в большинстве офранцужены, и только малая часть говорила по-украински. Чтобы исправить это досадное положение организовывались школы для украинских детей в департаменте Норд и в парижской округе. Однако для их нормальной работы необходимо было не менее 5000 школьных книжек, которые можно было получить только из Украины. Киев подготовил к посылке 500 экземпляров украинских букварей, на которые был наибольший спрос, но они лежали не отправленными бо-

лее полутора лет. Наивные украинские эмигранты даже обещали оплатить их стоимость, не понимая, что к игре был подключен молох советизации, отбрасывающий на маргинес проявления национальной самоидентификации.

Также просили сценическую литературу для драмкружков, ноты и песенники для хоровых и музыкальных кружков. Просили прислать газеты и литературу, которые освещали бы жизнь и условия на Западной Украины, для начала – по 100 экземпляров «Вільної України» (Львов) и «Радянської України» (Киев). Все это и еще больше они стали получать после того как благоприятный момент для оптации в среде украинской эмиграции пошел на убыль. Москва недоценила уровень национальной самоидентификации эмигрантов. Члены миссии по репатриации смотрели на них прежде всего как на «советских людей» каковыми, повторим еще раз, они никогда не были. Когда же к советским идеологам пришло сознание допущенных просчетов, они кроме печатных методов пропаганды применили еще такое эффективное средство воздействия на людей как кинематограф. Для показа во Франции были отобраны лучшие советские фильмы, при этом часть из них на украинском языке. Был таки направлен для работы во Франции украинец-дипломат. Только не из Западной Украины, как просили эмигранты, а работник посольства СССР в Канаде Мандебура. Позднее к нему присоединились члены украинской миссии, которые прибыли к Париж 20 января 1947 г. Среди них было два профессиональных чекиста. Все они влились в состав советской военной миссии по репатриации, которую возглавлял подполковник О. С. Березин.

Дальнейшая информация об украинской диаспоре поступала уже непосредственно от украинской миссии. Ее председатель О. Русько в феврале 1947 г. сообщал в Киев, что численность трудовой эмиграции в Франции колеблется в границах 45–50 тысяч. Это украинцы, которые проживают в стране по польским, чехословацким и венгерским паспортами. Состоянием на 5 февраля генеральное консульство СССР в Париже выдало желающим 11805 советских паспортов. Имелись ввиду не только украинцы, а вообще все те, кто выехал к тому времени в СССР. Вместе с членами семей их количество составило 13677 человек (ЦГАООУ).

Антисоветская украинская эмиграция. Внимание партийных и специальных органов привлекала не столько политическая эмиграция времен гражданской войны, сколько члены ОУН-УПА, которые искали способы продолжения борьбы с СССР в новых условиях. На пример, Иосиф Купранец так характеризовал ее: «... нужно отметить в первую очередь агентуру галицко-немецких фашистов, которые развернули свою деятельность еще до войны. Это – Бойкив, Гузар, Стефуранчин, Стасив, Цвикула, Небелюк и священник Пиридон. Они создали так званый украинский национальный союз, который был легализован французскими властями. Выдавали газету «Украинское слово». Проповедовали идеологию ОУН. Перед войной имели около 2500 членов.

Как метод работы с массами, устраивали церковно-религиозные службы и т. пр. Когда началась война в 1939 году, агитировали украинцев всту-

пять в иностранный легион. После того как немцы заняли Францию (1940 год), вышеупомянутые деятели сразу перешли к выполнению своих эсэсовских функций. Высылали людей на работу в Германию; вербовали в дивизию «Галиция» и в СС. Бойкив и еще несколько лейтеров выехали на Украину. Те, что остались во Франции сотрудничали с гестапо...

После разгрома гитлеровской Германии Бойкив и другие лейтеры – примчали обратно во Францию, где пристроились при помощи американцев и французских реакционных элементов. Получают фонды от украинских буржуазных кругов из Америки. Создали организацию «Объединение украинцев Франции». Центром и базой её является греко-католическая миссия во главе с священником Пиридоном. Его помощником является священник Леськович со Львова. Из Германии прибыло еще пятеро молодых духовных отцов и выехали возделывать периферию.

Кроме «Вестника» (орган греко-католической миссии) – издают газету «Украинец во Франции», которая выходит один раз в месяц, как дополнение к французскому органу «Синдикализм». Во главе объединения и редакции находится И. Попович, Стасив и прочие менее скомпрометировавшие себя во время оккупации. Старые кадры скрыты. Бойкив сидел в тюрьме. В чем состоит настоящая их деятельность? Сдерживают наших людей от возвращения домой. Распространяют антисоветскую пропаганду и различную антисоветскую клевету. Привлекают к своей работе советских «невозвращенцев», которым помогают устроиться. Французские органы даже им помогают, ибо они удерживают людей от возврата на родину. Франция еще нуждается в чужой рабочей силе, в особенности на рудниках и в полеводстве. Часть западно-украинской эмиграции прислушивается к этой пропаганде и занимает выжидающее положение относительно возврата домой, а также и к принятию советского гражданства».

Когда в 1947 г. во Францию прибыли представители украинской миссии, они составили более детальную информацию. Основным противником в дальнейшем оставался Бойкив и его организация «Общественная опека». Дальше шла студенческая организация лиц восточных языков «группа Шаповала» и униатские священники во главе с епископом Бучком. Кроме газеты «Украинец во Франции», журнала «Соборная Украина», церковного «Вестник» для них поступала эмиграционная пресса из США, Аргентины и Великобритании.

Украинская политическая эмиграция предприняла радикальные шаги для преодоления внутренних разногласий в борьбе за трудовую эмиграцию, для того чтобы не допустить ее возвращения в СССР. Журнал «Соборная Украина» (редактор Иван Борщак) в первом номере провозгласил лозунг за объединение всех украинцев вне партий и групп. Кроме «старой» эмиграции УНР – Шульгина, Стасива, Бойкива, в этот процесс включились диссиденты, вырвавшиеся из СССР во время войны. Прежде всего писатель Иван Багряный, брошюра которого «Чому я не хочу вертати на «Родіну» особенно активно распространялась среди потенциальных реэмигрантов.

В планах проведения репатриации из Франции, которые составила специальная советская миссия, украинцам предоставлялось особое внимание. Нужно было создать такую ситуацию, чтобы они приняли добровольное решение о получении советского подданства и возвращения на Украину. Для этого была активизирована деятельность не только традиционно zaangażованные в такие дела отделов ЦК ВКП(б) и МГБ, но и Министерства иностранных дел УССР, были задействованы военные украинцы, которые работали в различных миссиях в европейских странах, украиноязычные средства массовой информации и отдельные лица.

Акция имела политический, идеологический, в какой-то мере даже экономический характер, только отнюдь не гуманный. В Европе начинала тлеть «холодная война».

ЛИТЕРАТУРА

Buletyn, 18, 02. 05. 1931.

Buletyn, 12, 21. 03. 1931.

Buletyn, 51, 09. 01. 1932.

Buletyn, 6, 7. 02. 1931.

Buletyn, 8, 25. 02. 1933.

JANOWSKA, H. (1964). *Polska emigracja zarobkowa we Francji (1919–1939)*. Warszawa.

MARKIEWICZ, W. (1960). *Przeobrażenia świadomości narodowej reemigrantów polskich z Francji*. Poznań.

TURAJCZYK, L. (1967). «Polonijne organizacje społeczno-polityczne we Francji i ich postawa wobec powrotu emigracji zarobkowej do kraju (1945–1948)», *Materiały i studia z najnowszej historii Polski*, Warszawa, 3: 45–62.

АМИДУ (Архив Министерства иностранных дел Украины) – Фонд. 1. – Опись. 1. – Дело 95.

Беженцы. Динамика перемещений. Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам (пер. с англ.) (1989). Москва: Международные отношения.

ВЖ (1947) = *Вільне життя*. Орган Тернопільського обласного комітету КП(б)У.

ВОЙТЕНКО, О. (1947). «Про переміщеніх осіб», *Вільне життя*, 11 червня.

ГАТО (Государственный архив Тернопольской области). – Ф. р-1833. – Оп. 4. – Спр. 105. – С. 9.

ДС (1961) = *Дипломатический словарь в 3-х томах*. Т. II. (под ред. А. А. Громыко). Москва.

ЖОРЖ, П. (1951). *Франция. Экономическая и социальная география* (пер. с франц. О. Парчевского и Л. Слезниковой). Москва: Издательство иностранной литературы.

МО (1962) = *Международные отношения после второй мировой войны в 3-х томах*. Москва: Госиздат. полит. лит.-ры.

Постановление №1248–508/с. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 12 февраля и 15 декабря 1946 г.

Словник іношмовних слів (під ред. І. В. Льохіна, Ф. М. Петрова) (1951). Київ: Держполітвидав УРСР.

СФО (1983) = *Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы в двух томах*. Т. 2. Москва: Политиздат.

ЮР (1956) = *Юридический словарь* (под ред. П. И. Кудрявцева). Москва.

ЦГАООУ (Центральный архив общественных организаций Украины. Фонд 1, Опись 23, Дело 4358).

Sergij Tkačov

POVIJESNE PRETPOSTAVKE REMIGRACIJE UKRAJINACA IZ FRANCUSKE POSLIJE DRUGOGA SVJETSKOG RATA

SAŽETAK

U radu se razmatra problematika remigracije Ukrajinaca iz Francuske. Autor daje historijski osvrt na ukrajinsku emigraciju u toj zemlji te na obilježja državne politike Francuske i Poljske do Drugoga svjetskog rata u odnosu na migracijske procese. Situacija poslije rata je pokazana na podlozi složenosti političke borbe u Europi, posebice sovjetsko-francuskih odnosa. Autor slijedi evoluciju manipulacija službenih sovjetskih vlasti pojmovima »izbjeglice«, »emigranti«, »raseljene osobe«.

KLJUČNE RIJEČI: emigracija, remigracija, Ukrajinaci, Francuska, Ukrajina, francusko-sovjetski odnosi

Sergiy Tkachov

HISTORICAL CONDITIONS AND THE REMIGRATION OF UKRAINIANS FROM FRANCE AFTER THE SECOND WORLD WAR

SUMMARY

The article deals with the problems of remigration of Ukrainians from France. The author discloses the history of the Ukrainian emigration in this country, the character of the state policy of France and Poland before World War II considering the migration processes. The post-war situation is shown on the background of complicated political struggle in Europe, in particular, of the Franco-Soviet relations. The author analyses the evolution in manipulations of the terms "refugees", "emigrants", "displaced persons" by official Soviet authorities.

KEY WORDS: emigration, remigration, Ukrainians, France, Ukraine, Franco-Soviet relations

Serguei Tkatchev

LES CONDITIONS HISTORIQUES DE LA REEMIGRATION DES UKRAINIENS DE FRANCE APRES LA SECONDE GUERRE MONDIALE

RÉSUMÉ

Cet article examine les problèmes de réémigration des Ukrainiens de France. L'auteur retrace l'histoire de l'émigration ukrainienne dans ce pays et met en lumière le caractère de la politique des gouvernements français et polonais avant la Deuxième guerre mondiale quand aux procédés de migration. La situation dans l'après-guerre est présentée, avec pour toile de fond l'aggravation de la lutte politique en Europe, et notamment les relations franco-soviétiques. L'auteur suit l'évolution des manipulations exercées par les représentants du pouvoir soviétique avec des notions telles que «réfugié», «émigré», «personne déplacée».

MOTS CLEFS: émigration, réémigration, Ukrainiens, France, Ukraine, relations franco-soviétiques